

ления, воспринимается теми как знак полной социальной близости. Ленин не мог не понимать, выступая на I Всероссийском съезде Советов в июне, что это демагогия, будто для успеха социальной революции достаточно у горстки богачей отобрать их богатства, арестовать сотню-другую капиталистов, но он знал, что темные, полуграмотные массы понимают и принимают именно эту конфискационную логику.

Первое время после февральской победы современникам казалось, что грядет нравственное обновление, многие жили ощущением близости торжества самых светлых идеалов. К осени 1917 г. от этих иллюзий не осталось следа. Сама по себе эта ситуация не означала резкого падения морального уровня общества, важнее то, что уже не срабатывают предохранительные механизмы общественного устройства, образующие аморальные проявления. Вслед за этим наружу вырывается подавляемая в обычное время нормами общества стихия подсознания масс. Притупление нравственного чувства, усиленное трехлетним напряжением беспримерной по своим масштабам войны, выразилось в озлоблении, ненависти, «революционной хулиганщине».

Все сказанное выше не имеет целью морально принизить революционеров. Алгоритм прост: в большинстве своем они были обычными людьми, с их страстями и слабостями, и судить о них надо не по тому, что они сами о себе думали, говорили, писали впоследствии, а по делам их. Любая революция любит рядиться в героические тоги, под которыми часто скрываются домашние халаты и тапочки.

Примечания

1. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 317.
2. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1990. С. 193.
3. Франк С.Л. De profundis // Из глубины: сб. ст. о русской революции. М., 1990. С. 257.
4. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 332.
5. Протасова О.Л. А.В. Пешехонов: Человек и эпоха. М., 2004. С. 141.
6. Дневник барона Алексея Будберга // Архив русской революции. Т. 12. М., 1991. С. 269.
7. Ницше Ф. Антихристианин // Сумерки богов. С. 77.
8. ГАРФ. Ф. 63. 1911 г. Д. 363. Л. 73.
9. ГАРФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство. 1908 г. Д. 3380. Ч. 2. Л. 1, 3, 7, 13.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 450-451.
11. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1306. Л. 37-41.
12. ГАРФ. Ф. 102. 7-е делопроизводство. 1908 г. Д. 3213.
13. Фромм Э. Психоанализ и этика. С. 199.
14. Там же. С. 200.

15. Тоған Заки Валиди. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрков за национальное существование и культуру. М., 1997. С. 239.

16. См.: Журавлев В.В. Революция как способ реализации личного интереса (к постановке проблемы) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996. С. 22.

17. Каторга и ссылка. 1926. № 7-8. С. 323.

18. Век XX. 1990. № 7. С. 31.

19. Троцкий Л. Ссылка, высылка, скитания, смерть // Знамя. 1990. № 8. С. 192.

20. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 195.

21. Олицкая Е. Мои воспоминания: в 2 т. Франкфурт-на-Майне, 1971. Т. 2. С. 258.

22. См.: Лекторский В.А. Идеал, утопия и критическая рефлексия // «Благий фонд, благое дело». М., 2004. С. 491.

23. Волкогонов Д. Ленин. Т. 1. М., 1999. С. 85.

24. См.: Войтинский В. Годы побед и поражений. Берлин, 1924. Ч. 2. С. 102-103.

МОБИЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX в. КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМБОВА)¹

О.М. Зайцева, В.В. Канищев, В.Д. Орлова, Н.В. Стрекалова
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Проблема социальной мобильности горожан и ее влияния на общественную атмосферу как проявление противоречий российской модернизации начала XX в. – новая для отечественной историографии. В работах историков советского периода обычно речь шла только об ухудшении в этот период условий жизни рабочего класса. Однако редко писалось о переменах социальных характеристик рабочих на конкретных отрезках предреволюционных десятилетий, за исключением, пожалуй, периода Первой мировой войны. Особенно это проявилось в изучении раннеиндустриальных городов типа Тамбова, где промыш-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-01-00334.

ленных рабочих было мало. Многочисленные, но «отсталые» группы «пролетариата» таких городов вроде прислуги и чернорабочих советских историков не интересовали. Почти не изучались судьбы рабочих на персональном уровне.

В 1980-1990-е гг. тамбовские историки вместе с коллегами из других городов предприняли усилия для изучения социального облика городских средних слоев и его влияния на революционную активность этой части горожан [1]. В 2000-е гг. в диссертации Н.В. Стрекаловой был предпринят анализ социальной стратификации и мобильности городских средних слоев по данным о конкретных жителях Тамбова 1907-1917 гг. [2].

Вовсе не изучался вопрос о мобильности в начале XX в. представителей элиты провинциальных городов России и, соответственно, о влиянии этого процесса на настроения данной социальной страты. Между тем источники (справочники служащих и предпринимателей, окладные книги и другие документы о владельцах недвижимых имуществ, списки избирателей в городские и государственные думы и др.) дают возможность изучать высшие слои городского населения на персональном уровне. Анализ конкретных проявлений социальной мобильности представителей высших слоев Тамбова в 1896-1917 гг., проведенный О.М. Зайцевой, показал, что даже большинство элиты постоянно переживало изменения статусных показателей. Из 400 с лишним представителей высшей страты города в конце XIX в. только ок. 130 сохранили свой статус к 1917 г. Главной причиной этого стала нисходящая социальная мобильность [3].

Мобильность наиболее крупной и постоянно росшей дворянско-чиновной группы тамбовской городской элиты (с 29% в 1896 г. до 38% от всей элиты города 1917 г.) в первую очередь проявлялась в ее пополнении бывшими помещиками, продававшими свои имения, покупавшими дорогие дома в губернском городе и поступавшими на службу. С одной стороны, они сохранили относительное благополучие (по имущественным критериям остались в элите) и веру в силу государства, особенно после решительного подавления революции 1905-1907 гг., с другой – тяжело пережили «ужас пугачевщины» этих лет, печальное расставание с родовыми имениями.

Активные представители этой сословно-социальной группы (наиболее яркая фигура – член Государственного Совета от Тамбовской губернии в 1906-1917 гг. В.М. Андреевский) сразу после первой революции, а затем в 1917 г. решительно проявили себя как деятели Обьединенного дворянства [4]. В конце 1917 г., видимо, поняв невозмож-

ность борьбы за дворянские интересы в условиях Тамбова, В.М. Андреевский переехал в Петербург, а позже эмигрировал во Францию [5].

Но большинство зажиточных городских дворян и чиновников покорно пережило потерю в 1917-1918 гг. земельных владений и крупных должностей. Среди бывших «господ» Тамбова оказалось больше личностей а la Ипполит Матвеевич Воробьянинов, подавшихся на рядовую советскую службу, нежели активных контрреволюционеров [6]. В числе руководителей антисоветского восстания в Тамбове 17-19 июня 1918 г. оказался только один представитель городской элиты – член губернской земской управы, крупный помещик Е.А. Загрязский [7].

С другой стороны, бывший председатель губернской земской управы, а в 1917 г. губернский комиссар Ю.В. Давыдов, а также многолетний тамбовский городской голова И.М. Потапов после революции спокойно проживали и служили в Тамбове. Первый стал служащим губплана, а второй даже некоторое время возглавлял губздравотдел [8].

Купеческо-мещанская по сословной принадлежности часть элиты Тамбова в 1896-1917 гг. сократилась вдвое. Это было связано с концентрацией крупной собственности в городе. «Неудачники» из купцов и мещан, как правило, совершали нисходящую мобильность до уровня городских средних слоев. Неспособность десятков представителей традиционных городских сословий удержаться в элите породила какое-то недовольство, но открытого политического выражения не получила. В 1906-1914 гг. недовольство купечества и мещанства переменями в жизни смутно проявлялось в поддержке правых национальных организаций Тамбова и охранительной деятельности губернатора-консерватора Н.П. Муратова [9]. Но сколько-нибудь заметных деятелей из этой сословно-социальной группы среди активистов 1905-1907 и 1917-1918 гг. мы не выявили.

Можно предположить, что большинство разорившейся купеческо-мещанской части городской элиты смирились с изменениями в своей судьбе. Возможно, это связано с неустойчивостью купеческих династий вообще, готовностью пережить разорение как крупных собственников. После 1917 г. почти все бывшие «буржуи» остались в Тамбове, либо став совслужащими, либо живя на средства родственников [10].

Степень нисходящей вертикальной мобильности, а попросту житейского «падения», оказалась различной у бывших крупных предпринимателей. Так, купец А.А. Зыков, до революции торговавший галантерейными товарами, служил кассиром в упродкоме. Купец М.П. Коротков, бывший владелец гончарно-изразцового завода, крупный до-

мовладелец и землевладелец, после 1917 г. заведовал гончарно-изразцовым заводом коммунхоза (т. е. практически остался руководителем собственного завода, но, понятно, без собственнических прав) [11].

Но известны факты и очень глубокого падения по социальной лестнице. Бывший владелец мыловаренного завода Шамонова после революции стал певчим в Казанской церкви. Бакалейный торговец М.И. Офицеров после революции служил ломовым извозчиком в губтраме. А бывший крупный хлебный торговец, потомственный почетный гражданин К.Н. Крюченков работал конюхом в том же учреждении [12].

Некоторые представители дореволюционных высших слоев Тамбова в 1918 г. служили в Красной Армии, например, купеческие сыновья А.И. Лихмачев, Д.П. Калашников, Н.Ф. Патутин [13]. Напротив, некая их часть оказалась среди противников советской власти. На 1918 г. отметки о пребывании «в лагерях» имеются в делах бывшего владельца вино-гастрономического магазина Г.И. Егина и крупного торговца скобяными изделиями И.А. Лоскутова [14].

Только двое крупных тамбовских купцов, предчувствуя грозные события осени 1917 г., распродали имущество и отправились за границу. М.Л. Шоршоров был связан с российским армянским капиталом, а М.В. Асеев являлся владельцем двух больших суконных фабрик и высокообразованным человеком (закончил медицинский факультет Московского университета) [15]. Другие представители тамбовской буржуазии, видимо, ощущали свою неготовность к эмиграции, не имея капиталов, связей, «грамотенки». Но главное в том, что их прочно удерживала «пуповина» традиционного общества.

По-разному складывались судьбы отдельных семей из высшего общества дореволюционного Тамбова. В качестве примера рассмотрим купеческий клан Замятиных и семью мещан Денисовых.

На конец 1917-1918 гг. о братьях Замятиных известно, что Иван, Михаил и Александр проживали в Тамбове, Николай и Алексей уехали – первый в Москву, второй – в Севастополь. Наиболее благонадежным властям явно представлялся Александр (учитель музыки, который в отличие от своих ближайших родственников – торговцев и фабрикантов – жил «на свой труд»). После революции он занимал должность инспектора губпролеткульта. Также указан род деятельности Ивана – заведующий кирпичным заводом при Рязано-Уральской железной дороге. Данные 1919 г. об их матери и фактической главе торгового дома Замятиных, Анне Евграфовне, гласят, что она была «больной старухой» и жила при детях [16].

Небезынтересны сведения о семье Ф.Н. Денисова. Как видно из личного дела, глава семьи по 1917 г. продолжал торговать обувью, однако осенью «во время погрома был подвержен разгрому». О дальнейшей жизни сказано, что «на службе не состоит» (есть свидетельство о болезни), «содержится трудами жены своей, которая шьет дамское платье, в настоящее время [1919 г.] средств к жизни не имеет». Из четырех детей Ф.Н. Денисова есть информация только об одном из сыновей, служившем добровольцем в Красной Армии с 1918 г. [17].

При кажущемся разнообразии постреволюционных судеб представителей высших слоев Тамбова преобладали все-таки изменения негативного характера, поскольку новый политический режим неизбежно разрушал прежнюю социальную элиту.

Сравнение данных Всероссийской переписи 1897 г. и списков избирателей в Учредительное собрание (сентябрь 1917 г.) по Тамбову показало, что удельный вес городских средних слоев, взятых по социально-профессиональным признакам, за 20 лет вырос на 10%. На 7% сократилась доля «старых» средних слоев (ремесленников, мелких торговцев, извозчиков и т. п.), но почти на 18% увеличился удельный вес «новых» средних слоев (служащих, интеллигенции, учащихся). Такие изменения были связаны с мобильностью тысяч конкретных людей [18].

Предпринятый Н.В. Стрекаловой анализ устойчивости средних слоев Тамбова в предреволюционное десятилетие на персональном уровне показал, что доля «устойчивых» в 1917 г. составила 32% от средних слоев города 1907 г. На изменения персонального состава «средних» горожан в большей мере влияли не естественные демографические процессы, а вертикальная мобильность самих средних слоев и представителей соседних с ними высшей и низшей социальных страт города. На «новых» людей в составе средних слоев Тамбова приходилось более 80% лиц, сословная либо профессиональная принадлежность которых в источниках не определялась. Другими словами, шло пополнение средних слоев маргиналами, людьми, находившимися в активном переходном состоянии [19].

Будучи наиболее подвижной частью городского сообщества, средние слои уже в силу этого испытывали высокое социальное напряжение. В первой четверти XX в. оно усиливалось в ходе экономических спадов и подъемов, войн и революций. Поэтому эти слои города становились вместо гаранта стабильности общества соучастниками радикальных движений. Именно они (учащиеся, железнодорожные, почтово-телеграфные, торговые служащие и т. д.) являлись самыми активными и

массовыми участниками революционных событий 1905-1907 гг. в Тамбове. С другой стороны, часть мелких торговцев, ремесленников, извозчиков и других мелких хозяев города, а также средних интеллигентов и служащих активно выступала в эти годы на стороне «черносотенной» контрреволюции. Железнодорожные, почтово-телеграфные, торговые служащие были весьма активны и в событиях 1917 г. [20].

Разные направления социальной мобильности городских средних слоев (восходящей и нисходящей) косвенно обусловили и то, что их представители стали лидерами местных отделений различных политических партий (социал-демократы В.Н. Подбельский и М.Д. Чичканов, эсеры М.А. Спиридонова и К.Н. Шатов, кадеты В.П. Ишеев и П.М. Назарьев, «черносотенцы» А.Н. Григоров и П.А. Никольский). Заметное место среди партийных активистов Тамбова занимали дворяне по сословию, которые по социально-профессиональным характеристикам реально находились в средней социальной страте, т. е. к началу XX в. совершили нисходящую мобильность.

Конечно, не все эти массовые и индивидуальные проявления политической активности напрямую связаны с социальной мобильностью. Но наверняка в революционные периоды представители средних слоев стремились побыстрее и пошире «пробить» социальные каналы продвижения вверх, хотя и в 1905-1907 гг., и весной-летом 1917 г. «средние» горожане боролись за это продвижение главным образом умеренными, реформистскими методами [21]. Наибольшее напряжение в городских средних слоях Тамбова вызвали события осени 1917 – весны 1918 гг., которые грозили перекрыть каналы социальной мобильности вверх или, напротив, подтолкнуть мелких собственников к падению «вниз». Их антисоветская активность была в этот период необычайно высокой – от ноябрьского 1917 г. протеста против «большевистского переворота» в Петрограде в форме резолюций они дошли до сравнительно массового участия в Тамбовском восстании 17-19 июня 1918 г. [22].

После жестокого подавления советскими властями этого выступления средние слои города в духе мещанских традиций направили свою социальную активность на приспособление к новому общественному строю. Большая их часть в 1918-1920 гг. сумела удержаться в своей социальной страте, хотя в основном на уровне беднейших мелких хозяев. Многие средние служащие, мелкие торговцы и ремесленники в первые послереволюционные годы совершили горизонтальную социальную мобильность, перебравшись на средние и низшие должности в советский административный и хозяйственный аппарат [23].

Войти в советскую региональную и всероссийскую элиту сумели только сыновья средних служащих – председатель Тамбовского губисполкома М.Д. Чичканов и нарком почт и телеграфов РСФСР В.Н. Подбельский.

Однако скрытая напряженность имела место внутри средних тамбовских горожан и в 1919-1920 гг., обнаруживая политические проявления. Брат В.Н. Подбельского Юрий руководил подпольным губкомом эсеров. В августе 1919 г. сотни представителей средних слоев Тамбова восторженно встретили «белые» отряды генерала К.К. Мамонтова. В 1920-1921 гг. ВЧК-ГПУ зафиксировали факты сочувствия и поддержки тамбовскими «средними» горожанами крестьянского восстания. Сам предводитель восстания А.С. Антонов происходил из городских средних слоев [24].

Сложнее выявить мобильность нижней страты городского населения. Первичные источники, в которых имелись бы персональные данные о промышленных рабочих и которые позволили бы проследить судьбы конкретных людей из «низов», отложились в архивах недостаточно. Поэтому мобильность «пролетариата» приходится отслеживать на групповом уровне.

Сопоставление данных Всероссийской переписи населения 1897 г. и списков избирателей в Учредительное собрание сентября 1917 г. показало, что удельный вес низших и низших средних слоев Тамбова вырос за 20 лет с 33 до 44% [25]. Этот прирост определялся не столько внутригородской мобильностью (разорение имущего мещанства и т. п.), сколько ростом населения города за счет миграции крестьян, десятки из которых смогли пробиться в высшие городские слои, несколько сотен – в средние, но многие тысячи оказались в низших слоях города. Главный прирост дали рабочие открытых в 1899 г. вагоноремонтных мастерских. Хотя большинство из 2 тыс. рабочих этого предприятия жило в пригородах Тамбова, даже их небольшая часть в несколько сот человек дала увеличение нижних слоев города (в 1897 г. в Тамбове было около 550 промышленных рабочих).

Представители промышленных рабочих или домашней прислуги, имея, хотя и маленькие, но гарантированные зарплаты, часто хозяйское «столование» и продуктовую поддержку из родных сел, в целом в результате перемещения в город попали в сравнительно лучшие условия, чем в перенаселенной, малоземельной, постоянно страдавшей от неурожая деревне. Главные проблемы в городе для бывших селян были связаны с перестройкой социально-демографической модели поведения, встроенной в природно-хозяйственные циклы, на город-

скую модель, предполагавшую сознательное регулирование демографических процессов. Такой переход, по оценке В.Л. Дьячкова, вызвал нарастание стрессов и бывших селян и проявление социальной агрессии [26].

Рассматривая мобильность отдельных групп работников наемного труда Тамбова, отметим относительную устойчивость немногочисленного местного промышленного рабочего класса в предреволюционное двадцатилетие. На протяжении всего периода численность его основной части – рабочих вагоноремонтных мастерских – колебалась в пределах 2-3 тыс. человек. Судя по всему, их костяк в начале XX в. менялся мало. Работа в мастерских была выгодной для жителей пригородных слобод, вошедших в городскую черту, и крестьян окрестных сел, которые, сохраняя огородные и полевые наделы для «пропитания» семей, получали еще устойчивую и высокую для сельской местности зарплату. Особой формой социальной мобильности периода Первой мировой войны стало то, что в вагоноремонтные мастерские как единственное оборонное предприятие, уклоняясь от военного призыва, устремились владельцы мельниц, лавок, мастерских и их сыновья, т. е. представители средних слоев, по внешним проявлениям совершившие нисходящую социальную мобильность [27].

Рабочие Тамбовских вагоноремонтных мастерских даже в периоды революционных кризисов не проявляли радикальную политическую активность, выступая в 1905 и 1917-1918 гг. с экономическими требованиями. В сентябре 1917 г. они выразили тягу к стабильности в городе, создав отряд для подавления стихийного погрома в Тамбове. Лишь несколько десятков их участвовало в установлении советской власти в губернском центре. В критический для новой власти момент июньского 1918 г. восстания в Тамбове рабочие мастерских заняли нейтральную позицию [28].

Социальную мобильность, связанную с потерей рабочих мест, видимо, совершали рабочие мелких предприятий Тамбова. Статистические сведения о промышленных предприятиях города начала XX в. и количестве занятых на них рабочих противоречивы, поскольку использовались разные критерии отбора в списки промышленных заведений, учета постоянных и временных рабочих. Проанализировать динамику смены отраслей производства в городе и занятых в них рабочих можно только приблизительно.

В 1903 г. в Тамбове без вагоноремонтных мастерских было 18 заводов с 480 рабочими. Практически все они относились к перерабатывающей промышленности и производству стройматериалов. На двух

чугунолитейных заводиках трудились всего 28 человек. Подобные производства не требовали высокой квалификации и позволяли рабочим не порывать связей с сельским хозяйством. В 1909 г. в Тамбове числились 22 мелких предприятия с 879 рабочими. Из них 236 человек обслуживали казенный винный склад. В городе за 6 лет появились 3 типографии, пекарня, мельница и две колбасные фабрики с 25-30 рабочими. Из списка 1903 г. продолжали работать чугунолитейные заводы Махова и Петтера, кирпичные заводы Ефимова и Короткова, пивоваренный завод Леймера и епархиальный свечной завод. На этих 6 предприятиях оставалось 204 рабочих против 214 в 1903 г. Можно предположить, что на персональном уровне это в основном были прежние работники. В перечне фабрик, заводов, других предприятий Тамбовской губернии, по данным Всероссийской промышленной переписи 1918 г., указано, что в 1913 г. в Тамбове было 14 предприятий с 654 рабочими. Из списка 1909 г. сохранился епархиальный свечной завод с 56 (против 48) рабочими и махорочная фабрика Замятинных с 60 (против 30) рабочими. Так что максимум 80 человек могли сохранить свое место работы четырехлетней давности. А за 10 лет неизменным предприятием был только епархиальный свечной завод. Технически сложным его не назовешь. Зато к 1913 г. в городе появились водоканал, электростанция, паровая вальцовая мельница, свидетельствовавшие о техническом прогрессе. Втрое выросла численность типографских рабочих [29].

За 10 лет в Тамбове почти полностью обновился состав владельцев предприятий. Появились более технически сложные производства, исчезли некоторые перерабатывающие предприятия. Квалифицированные рабочие, вероятно, имели возможность трудоустройства при смене владельцев кирпичных, чугунолитейных и пивоваренных заводов, типографий, пекарен. Как бы сложны ни были подсчеты изменений численности рабочих мелких предприятий за разные годы, речь в любом случае идет о нескольких сотнях людей, составлявших не более 1% населения Тамбова. Отсюда становится понятной невысокая роль промышленных рабочих в революционных событиях 1905-1907 и 1917-1918 гг. в Тамбове. Помимо забастовок вагоноремонтников известен только факт участия рабочих механического завода Петтера и Махова в акции солидарности с рабочими Петербурга в январе 1905 г. [30].

Еще труднее определить мобильность самой массовой категории наемных работников Тамбова – прислуги и чернорабочих. Сравнение общих данных об их численности в 1897 и 1917 г. показало очень небольшое сокращение с 5,2 тыс. человек до 5,1 тыс., но более заметно

уменьшение удельного веса в населении города – с 25 до 15%. Персональную мобильность этих слоев выявить очень сложно. Можно предполагать их пополнение сельскими мигрантами и разорившимися в годы мировой войны мелкими предпринимателями, особенно женами призванных на войну ремесленников, мелких торговцев, извозчиков и других мелких хозяев, не способными продолжить «бизнес» мужей. В переписи 1917 г. они выступают под неопределенным наименованием домохозяек, которые, скорее всего, сохранили только дома, приусадебные участки и недействующие ремесленные мастерские, лавки и т. п.

Хотя эти слои испытывали социальную напряженность, ввиду преобладания у них традиционной ментальности они были способны только на бунтарскую активность. Это, в частности, показал тамбовский погром 12-13 сентября 1917 г., главными участниками которого помимо солдат были сотни женщин «из простонародья» [31].

В послеоктябрьский период низшие слои Тамбова не совершили заметной социальной мобильности. Нам не известны примеры занятия крупных партийных или советских должностей тамбовскими рабочими, тем более кухарками. Большинству наемных работников не хватало элементарной грамотности для этого. В лучшем для себя случае они поднимались до уровня мелких служащих, главным образом в государственном хозяйственном аппарате. Но в массе своей эти люди оставались промышленными, транспортными, ремесленными рабочими или прислугой многочисленных учреждений. С другой стороны, их общекультурная неразвитость, традиционная политическая «забитость» порождали покорность сильной советской власти даже при наличии внутреннего социального напряжения.

Примечания

1. См.: Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1984; Городские средние слои в трех российских революциях. Тамбов, 1989; Канищев В.В. Изменения в политических настроениях средних слоев города в первый год диктатуры пролетариата (по мат-лам Воронежской, Курской и Тамбовской губерний): дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; Каверина Г.Н. Профессиональные союзы непролетарских слоев городских трудящихся Центрального Черноземья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (март 1917 – май 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1989; Щербинин П.П. Городские средние слои Черноземного центра в буржуазно-демократических революциях в России: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 1992; Канищев В.В. Городские средние слои в период фор-

мирования основ советского общества. Октябрь 1917-1920 гг. (по мат-лам Центра России): дис. ... докт. ист. наук. М., 1998.

2. См.: Стрекалова Н.В. Социальная стратификация и социальная мобильность городских средних слоев в 1907-1917 гг. (на мат-лах Тамбова): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.

3. См.: Зайцева О.М., Стрекалова Н.В. Персональный состав городской элиты и средних слоев Тамбова в начале XX века (опыт формирования электронной базы данных) // Исследования молодых ученых по отечественной истории. Тамбов, 1998. С. 17-20.

4. См.: Канищев В.В. Деятельность тамбовского губернатора Н.П. Муратова в контексте борьбы консервативной и либеральной региональных политических элит. 1906-1912 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005; Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918): док-ты и мат-лы. М., 2003; ГАТО. Ф.Р-5328 (Андреевский В.М.). Оп.1. Д. 7, 44.

5. ГАТО. Ф. Р-5328. Оп. 1. Д. 7. Л. 51.

6. См.: Канищев В.В. Ликвидация эксплуататорских классов в Тамбове // Вопросы исторического краеведения Тамбовской области. Тамбов, 1986. С. 38-40.

7. См.: Канищев В.В., Мещеряков Ю.В. Анатомия одного мятежа (Тамбовское восстание 17-19 июня 1918 г.). Тамбов, 1995.

8. См.: Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 155, 463.

9. См.: Шарова Н.В. Деятельность русских национальных объединений в 1907-1914 гг. (на мат-лах Тамбовской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2004; Канищев В.В. Указ. дис. ...

10. См.: Канищев В.В. Ликвидация эксплуататорских классов в Тамбове. С. 38-40.

11. См.: ГАТО. Ф. 398. Оп. 1. Д. 137. Л. 56; Д. 138. Л. 5.

12. См.: Там же. Д. 137. Л. 57; Д. 138. Л. 5, 7, 56.

13. Там же. Д. 138. Л. 6-8.

14. Там же. Л. 7, 8.

15. См.: Тамбовская энциклопедия. С. 42-43, 680.

16. См.: ГАТО. Ф. 398. Оп. 1. Д. 138. Л. 5, 8.

17. См.: ГАТО. Ф. 17. Оп. 45. Д. 209. Л. 16; Ф. 398. Оп. 1. Д. 138. Л. 4.

18. См.: Канищев В.В. Городские средние слои в период формирования

основ советского общества. Октябрь 1917-1920 гг. С. 446-447.

19. См.: Стрекалова Н.В. Указ. дис.

20. См.: Щербинин П.П. Указ. дисс.; Шарова Н.В. Указ. дисс.; Каверина Г.Н. Указ. дисс.; Канищев В.В., Протасов Л.Г. Соотношение сознательности и стихийности в революционных выступлениях средних городских слоев осенью 1917 г. // Городские средние слои в трех российских революциях. С. 94-112; Канищев В.В. Сравнительная характеристика политической активности городских средних слоев в первой и второй русских революциях // 1917 год в исторических судьбах России. М., 1992. С. 95-97; Его же. Изменения в политической ориентации городских средних слоев осенью 1917 г. // 1917 год в исторических судьбах России. М., 1993.

21. См.: Канищев В.В., Щербинин П.П. Политическая активность городских средних слоев Центрального Черноземья в период первой российской революции (опыт многомерного количественного анализа) // Общественно-политическая жизнь в Центральной России в XVI – начале XX вв. Воронеж, 1995; Канищев В.В. Сравнительная характеристика политической активности городских средних слоев в первой и второй русских революциях; Его же. Изменения в политической ориентации городских средних слоев осенью 1917 г.

22. См.: Канищев В.В., Мещеряков Ю.В. Указ. соч.; Канищев В.В. «Мелкобуржуазная контрреволюция»: сопротивление городских средних слоев становлению «диктатуры пролетариата». Октябрь 1917 – август 1918 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 174-187.

23. См.: Канищев В.В. Городские средние слои в период формирования основ советского общества. Октябрь 1917-1920 гг.

24. См.: Рымшан М. Рейд Мамонтова. М., 1926; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. «Антоновщина». Тамбов, 1994.

25. См.: Kanitshev V. The demographic, occupational and social structure of Tambov and Yaroslavl population at the end of nineteenth and at the beginning of twentieth century // Where the twain meet. Dutch and Russian regional development in a comparative perspective. 1800-1917. Groningen / Wageningen, 1998; Канищев В.В. Изменения социальной структуры городов Тамбовской губернии накануне Октябрьской революции // Вопросы исторического краеведения Тамбовской области. Тамбов, 1984.

26. См.: Дьячков В.Л. Деревня, город, государство и российские революции // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в. Тамбов, 2001. С. 43-51.

27. См.: Орлова В.Д. Средние городские слои как источник пополнения рабочего класса Центрально-Черноземного района накануне Октября // Городские средние слои в трех российских революциях. С. 112-119.

28. См.: Тамбовская энциклопедия. С. 443-444, 448, 577-578; Орлова В.Д. Рабочий класс Центрального Черноземья в борьбе за установление и упрочение Советской власти (март 1917 – май 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 1988; Канищев В.В., Мещеряков Ю.В. Указ. соч.

29. См.: Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903; Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912; ГАТО. Ф. 761. Оп. 3. Д. 4.

30. См.: Тамбовская энциклопедия. С. 443.

31. См.: Канищев В.В., Мещеряков Ю.В. Указ. соч.; Тамбовская энциклопедия. С. 448.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО КОМИССАРА Ю.В. ДАВЫДОВА ВЕСНОЙ-ЛЕТОМ 1917 г.

О.П. Пенькова

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

4 марта 1917 г. в Тамбове был создан губернский исполнительный комитет. Во главе его Временное правительство поставило своего комиссара – председателя Тамбовского губернского земского собрания Юрия Васильевича Давыдова. В уездах, как правило, правительственными комиссарами назначались председатели уездных земских управ. Согласно воспоминаниям Т.И. Полнера, одного из помощников министра – председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова, правительство, состоявшее в основном из либеральных земских деятелей, не считало нужным создавать новые органы государственной власти на местах, полагая, что эту роль должны взять на себя земства. Князь Г.Е. Львов говорил: «Правительство сместило старых губернаторов, а назначать никого не будет. В местах выберут. Такие вопросы должны решаться не из центра, а самим населением». Но выбранные по старому избирательному закону земцы не были реальными представителями населения, прежде всего крестьянства. Об этом земские либералы говорили на своих съездах задолго до Февральской революции. Последующие события показали отсутствие у земских собраний и их управ авторитета и реальной власти, особенно при растущем с каждым днем влиянии новых органов власти на селе – Советов крестьянских депутатов [1].

Первый тамбовский губернский комиссар родился 13 декабря 1869 г. в семье потомственных дворян, владевших землями при с. Кулеватово Моршанского уезда. Он окончил юридический факультет Московского университета. В 1895-1897 гг. служил по судебному ведомству. С 1897 по 1904 г. был связан с банковским делом – работал в Санкт-Петербургском, Курском и Тамбовском отделениях Крестьянского поземельного банка. Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. находился при управлении главного начальника санитарной части Главнокомандующего войсками на Дальнем Востоке, был пожалован орденом Станислава 3-й степени. 17 сентября 1906 г. Давыдов был назначен незыблемым членом Тамбовской уездной землеустроительной комиссии. За отличие в деле землеустройства был награжден орденами Станислава 2-й и Анны 3-й степени [2].

В 1909-1917 гг. Ю.В. Давыдов постоянно избирался председателем губернской земской управы. Его братья Александр и Владимир